

Максимова Вера
(Театр. критик)

25.10.06

Вера МАКСИМОВА, театраль-
ный критик:

1. То, что театр переживает сегодня по многим причинам тяжелые времена, – безусловно. Это связа-

*Кувшину - 2006
19-25 окт. - с. 12.*

но и с общей ситуацией в стране, и с тем, что изменились все критерии, спуталась вся шкала ценностей. Главной всегда для нас была проповедническая, мессианская функция театра, а сегодня над ней открыто смеются. Что еще сегодня отличает существование театра – уход гениев: Товстоногова, Ефремова, Эфроса. Вместо них никого нет. Сегодня странное отношение к истории, прошлому – на переломе эпох всегда были стычки нового со старым, но такой агрессии, хулиганства, грубости никогда не было. Говорят, что зритель устал, что он начинает зевать от классики. Так ведь, между прочим, он зевает и на тех опусах, которые вместо классики поставляют наши новые драматурги. Значит, все не совсем так, как говорит наш сегодняшний новый первый пласт режиссуры. В советское время театра не должно было быть при таком гнете и при такой цензуре, но это и есть тайна, почему он был – потому что было очень сильное внутреннее сопротивление, оппозиционность, он точно чувствовал врага. Сегодня какого врага мы имеем, против чего мы, за что мы в театре – очень трудно определиться. Я с большим уважением отношусь к тому, что делает Алексей Казанцев – самый неагрессивный из новаторов, потому что он дает возможность самопроявления молодым и способным режиссерам. А эта режиссура открывает актеров. Это хорошее дело. Но плохо то, что творится вокруг, что задуривают, захваливают, закрикивают. И нехорошее дело – тотальное, агрессивное отрицание того, что было, и даже того, что есть рядом, фантастическое неуважение к тому, что происходит. У меня иногда ощущение, что этих вот молодых зовут под крыши в прославленные художественные театры, потому что ли-

дерам очень хочется быть в шеренге с новоявленным профессионалом. Меня тревожит Художественный театр. Я не понимаю больше и выбора Современника. Это уж точно – мессианский театр, где смысл и проповедь имели всегда огромное значение и огромный актер. И я не могу понять, как могла появиться “Юлая пионерка” – и меня даже не интересует, как сделан этот спектакль, хотя я, по своему обыкновению, нашла столько заимствований, столько несамостоятельности Серебренникова, что даже говорить об этом не приходится.

Мне кажется, что, когда в театре плохо, нужно очень осторожно заниматься реформаторской работой. Я боюсь сегодня этого разрушения. Очень мало людей, которые хотят что-то строить, что-то создавать. Нет той энергии строительства театра, которая была в 60-е годы. Я не очень верю, что политическая и общественная ситуация, которая сложилась в нашей стране, которая травит нас своим театром абсурда и театром глобального ужаса, так уж сильно влияет на театр. Я считаю, что беда – в режиссуре, она сегодня однотипна. Может ли СТД помочь преодолеть эту ситуацию? Совершенно уверена: не может и не должен. Думаю, что сегодня наиважнейшая функция союза – это достичь того уровня семинарской и лабораторной работы, который был у ВТО. В лабораториях не может родиться гениальный режиссер – он рождается по-другому, здесь не могут родиться и гениальный критик, и драматург... Но заметить способного человека, помочь ему чем-то вплоть до материальной помощи – вот это нужно. Я знаю, что это делается, но не в той степени, как было в старом ВТО. Вторая функция союза, по моему, трибунная – то, что, сегодня еще не очень развито, но все к этому идет – союз всегда был местом решительного, радикального, очень интересного по тем временам, может быть, самого свободного обмена мнениями. Здесь существовало устное общественное мнение, извините, не менее опасное для тех, кто плохо поступал или плохо работал, чем, допустим, письменное. Печать была менее свободна, чем эти трибуны. Людям нужно видеть друг друга, смотреть в глаза друг другу, разговаривать – кстати, культура разговора и суждения о театре очень упали. Мне кажется, что время нервное, время тяжелое и бедное для многих – конечно, огромный разрыв и в нашей среде. Но если говорить о массе актерской, особенно периферийной – она, конечно, живет небогато. И миссия союза: помогать отдыхать, выздоравливать – быть здоровыми сегодня очень непросто. И тут нужно думать, что ВТО – это не московская организация. И на СТД – огромная забота о периферии. Москвой, может быть, надо меньше заниматься: здесь все ведь заняты собой – попробуй их куда-нибудь позови, они же летают по этим своим сериалам, как сумасшедшие мотыльки.

2. И тем не менее я вижу, что много людей сюда приходит. И, кажется, поэтому союз должен существовать. Теперь существует мнение, что творческие союзы себя изжили, но как раз сегодня нельзя об этом говорить, не полезно, не плодотворно. Может быть, и нужно думать о какой-то реформе союза, но ни в коем случае не о преобразовании в профсоюз. Что это будет за профсоюз? Профсоюз актеров? Профсоюз режиссеров? Вспомним историю: МХАТом, она очень поучительна: сегодня даже ее организаторы пишут, что это была трагедия, большая ошибка. Правила везде одни. Если мы сейчас ударим по союзу, разломать удастся все запросто, потому что это очень быстро и легко делается. Что вместо этого возникнет – совершенно не понимаю. Наоборот, нужно говорить о том, что у союза еще есть имущество,

есть фабрики – значит нужно каким-то образом наращивать доходы, потому что без денег существовать СТД ни в коем случае не может, никто ему денег со стороны давать не будет, поэтому какая-то коммерческая деятельность со стороны союза должна расти. Преобразование в профсоюз станет обычной, безобразной, безответной ломкой, которую мы уже имели с помощью наших радикалов-реформаторов в Художественном театре. Результат, как говорится, налицо: Табаков его до сих пор поднять не может. Я не вижу альтернативы театральному союзу.

3. Я бы хотела более активной работы – не в плане динамики, тут ходить, собирать и прочее – время переменялось, у людей много других занятий. Но я бы хотела, чтобы творческая работа вернулась хотя бы на уровень старого ВТО. Я не знаю той команды, которая придет, потому что я могу ей пожелать? Кто будет председателем СТД? Я не очень вижу альтернативу. Это не значит, что у меня нет каких-то претензий или пожеланий к Калягину. У меня они есть, и их немало. Я бы хотела, чтобы союз для него, исключительно выдающегося актера, оставался если не самым главным делом, то, может быть, одним из самых главных дел. Мне всегда его здесь не хватает. Я вижу, что он отвлекается. Отвлекается не на развлечения, а, во-первых, на свою актерскую жадность – это тоже понять можно, мы свое дело любим – на свой дом, на свой театр.